

Психо-Неврологическій Институтъ.

МОРАЛЬНЫЕ ИТОГИ ВЕЛИКОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Рѣчь, сказанная въ торжественномъ актовомъ засѣданіи
Психо-Неврологическаго Института 2-го февраля 1915 г.
(впоследствии дополн. для публичной лекціи)

Акад. В. М. БЕХТЕРЕВЫМЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко., Екатерингофскій просп., 87.
1915.

826
825
826
825

Психо-Неврологическій Институтъ.

БТ
Б 555Мч

МОРАЛЬНЫЕ ИТОГИ ВЕЛИКОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Рѣчь, сказанная въ торжественномъ актовомъ засѣданіи
Психо-Неврологическаго Института 2-го февраля 1915 г.
(впослѣдствіи дополн. для публичной лекціи)

Акад. В. М. БЕХТЕРЕВЫМЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко., Екатерингофскій просп., 87.

1915.

Всѣ мы поражены ужасами, которые переживаютъ народы на материкѣ Европы при томъ столкновеніи, которое для многихъ разразилось неожиданно, для другихъ явилось событіемъ, которое могло быть предсказано впередъ и притомъ за нѣсколько или даже за много лѣтъ. Такой глубокой мыслитель и пророчецъ, какъ Достоевскій, еще въ 1876 году, въ Дневникѣ писателя говорилъ: „Нынешній вѣкъ кончится въ старой Европѣ чѣмъ-нибудь колоссальнымъ, чѣмъ-нибудь стихійнымъ, страшнымъ съ измѣненіемъ лика міра сего, по крайней мѣрѣ на западѣ старой Европы“. Можно припомнить затѣмъ, что нашъ Соловьевъ предсказалъ за много лѣтъ русско-японскую войну, Достоевскій же оказался пророкомъ настоящихъ событій, отодвинутыхъ исторіей всего на 1^{1/2} десятка лѣтъ отъ конца истекшаго вѣка. Такъ въ великихъ умахъ преломляется социальная жизнь народовъ, давая основу для предвидѣнія будущаго и пророческихъ предсказаній. Нельзя не отмѣтить здѣсь правильности пророчества Достоевскаго о стихійности настоящихъ событій. Въ самомъ дѣлѣ развѣ не стихійно вовлекаются въ борьбу одинъ народъ за другимъ? Первоначально война разразилась между Австріей и Сербіей, на помощь которой собирается выступить великая Россія, а за ней — какъ всегда, идетъ маленькая Черногорія. Тогда въ войну вступаетъ вооруженная съ ногъ до головы Германія, начавъ свое нападеніе на Люксембургъ, Бельгію, Францію и Россію. Вслѣдъ за Германіей вступаетъ въ дѣло Англія и затѣмъ союзная съ ней Японія. Послѣ того въ борьбу вступаетъ Турція. Дальнѣйшая очередь за Италіей и мелкими странами Балканскаго полуострова. Точно дѣло идетъ о какомъ то кошмарномъ стихійно развивающемся поединкѣ между народами, увлекающемъ и другіе народы на общій кровавый пиръ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на причинахъ происшедшаго несчастья, не будемъ касаться и виновниковъ его. Все это вопросы, которые представляютъ совершенно особый интересъ, но теперь быть можетъ не время заниматься выясненіемъ ни причинъ, ни виновниковъ несчастья. Когда пожаръ разразился, прежде всего думаютъ о томъ, какія послѣдствія онъ можетъ имѣть. Вотъ почему и мы постараемся здѣсь оцѣнить моральныя слѣдствія текущей войны, въ какой мѣрѣ они могутъ быть выяснены уже въ настоящее время.

Сама война, какъ міровое бѣдствіе, возбуждаетъ мысль къ дѣятельности, будитъ множество этическихъ вопросовъ, которые не могутъ остаться безъ отвѣта. Эти этическіе вопросы гораздо большей важности, нежели связанные съ войной политическіе вопросы, ибо первые коснутся правовыхъ нормъ и отношеній между людьми и моральныхъ основъ жизни внутри государствъ.

Нечего говорить, что совѣсть человѣческая не можетъ найти моральнаго оправданія войны. Можно понимать войну, какъ неизбежный результатъ той безысходности, въ которой оказалось человѣчество съ своимъ прошлымъ укла-

домъ жизни, какъ тотъ тупикъ, изъ котораго не оказалось иного выхода, какъ насиліе. Съ этой точки зрѣнія настоящая война можетъ быть понимаема, какъ нѣчто роковое, которое явилось неотвратимымъ бѣдствіемъ, связаннымъ со всѣмъ прошлымъ европейской цивилизаци, своего рода расплатой за чело- вѣческую грѣховность, дающей намъ ясное указаніе, что въ будущемъ чело- вѣчество не можетъ идти прежнимъ путемъ, если не желаетъ еще болѣе страш- ныхъ послѣдствій въ будущемъ.

Вотъ почему война побуждаетъ мысль къ исканію новыхъ путей въ чело- вѣческой жизни и къ оцѣнкѣ того, къ какимъ моральнымъ послѣдствіямъ война уже привела или приведетъ въ ближайшемъ будущемъ. Необходимо однако предупредить, что о вопросахъ такого рода приходится судить очень и очень условно, въ особенности въ виду того, что результаты войны еще окончательно не опредѣлились.

Не будемъ входить въ разсужденія о томъ, чѣмъ эта война кончится въ военномъ отношеніи. Мы всѣ вѣримъ и надѣемся, что для насъ въ союзѣ съ другими націями война эта закончится успѣшно, порукой тому общи народный кличъ: „война до конечной побѣды!“ хотя все говоритъ за то, что война бу- деть затяжною и потребуетъ еще огромныхъ жертвъ.

Но, какъ ни тяжки будутъ послѣдствія этой войны съ матеріальной сто- роны и съ точки зрѣнія вліянія ея на здоровье населенія, необходимо учесть тѣ моральные итоги, которые явятся въ результатѣ этой войны, какъ для насъ, такъ и вообще для челоуѣчества.

Раньше и прежде всего скажемъ о томъ, какими послѣдствіями эта война отразится и отчасти уже отразилась на нашемъ отечествѣ.

Для оцѣнки этой стороны дѣла необходимо принять во вниманіе прежде всего то положеніе, въ которомъ находилась наша страна до войны. Нѣтъ на- добности подробно касаться этого предмета, ибо событія недавняго времени у всѣхъ въ памяти, можно лишь сказать вообще, что страна за послѣднее время разѣдалась партійными раздорами, которые въ значительной степени парали- зовали общественную дѣятельность. Россія была застигнута войной въ моментъ раздробленія ея общественныхъ силъ на племенные, политическія и социально- экономическія группы, внутри которыхъ также не имѣлось единства. Это раз- дробленіе достигло такой степени, что не могли налаживаться никакія связи между отдѣльными группами и царствовалъ полный индивидуализмъ, парализо- вавшій общественную волю.

Всѣмъ извѣстно, что при этомъ, на почвѣ развитія узко-націоналистиче- скихъ взглядовъ, развилась настоящая вакханалія челоуѣко-ненавистничества, которая не обѣщала ничего, кромѣ ослабленія государства и упадка духа у тѣхъ общественныхъ силъ, которыя желали работать на пользу родины. Отсюда есте- ственное слѣдствіе — безвѣріе въ лучшее будущее и, какъ результатъ всего, пассивное отношеніе общественныхъ силъ даже къ лучшимъ начинаніямъ и ожиданіе развязки, форма которой могла быть угрожающей для нормальной жизни государства.

Что же явилось въ результатѣ того момента, когда внезапно, какъ громъ изъ яснаго неба, разразилась война. Всѣ помнятъ, что Россія встрепенулась, какъ одинъ челоуѣкъ, въ сознаніи явной государственной опасности и, что ха- рактерно, встрепенулась въ бодромъ стремленіи сдѣлать все возможное для отпора вражескому нашествію, съ которымъ, какъ было ясно для всѣхъ, шло торжество германскаго милитаризма. Ни въ печати, ни въ государственныхъ учрежденіяхъ не было въ этомъ отношеніи диссонанса. Война пробудила парализованную до тѣхъ поръ народную энергію и дала такой мощный толчокъ общественной жизни, котораго послѣдствія дадутъ себя чувствовать надолго и послѣ войны. Благо- даря всему этому многие изъ мирныхъ гражданъ пошли на войну добровольцами, а кто не могъ по тѣмъ или инымъ условіямъ быть на театрѣ войны, тѣ ста-

раются помочь людямъ, стоящимъ на позиціяхъ, чѣмъ только возможно, посылая бѣдѣ, теплое платье и деньги. На постоянные сборы откликаются не только люди имущіе, но даже тѣ, которые пользуются повседневымъ подаваніемъ, принося лепту вдовицы на общій алтарь отечественныхъ нуждъ. Какъ на примѣръ могу указать, что одинъ старый кантонистъ, едва владѣющій ногами, въ ломотяхъ припелся въ собраніе гдѣ объявленъ былъ сборъ въ пользу семей запасныхъ въ началѣ войны, и, молча, положилъ на столъ полтину мелкою монетою. Когда за нимъ пошли и спросили, что это значитъ, онъ объяснилъ, что это сборъ, который онъ получилъ подаваніемъ за весь день, и выразилъ свое неперемѣнное желаніе помочь своей семьей запасныхъ. Поэтъ воспроизвелъ тишь этого стараго кантониста въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Я старъ и хилъ, слабѣютъ силы
И гаснетъ мой увядшій взоръ,
Ужъ близокъ часъ моей могилы,
Судьбы законный приговоръ.

Бывало самъ я былъ въ сраженьи
И нюхалъ дымъ пороховой,
Какъ съ ротой шелъ по повелѣнью
Команды нашей въ смертный бой.

Богъ не привелъ въ бояхъ быть нынѣ,
Но и въ обиду Онъ не далъ,
Днесъ Онъ послалъ мнѣ благодѣяніи
И я полтину насбиралъ.

Примите-жь, братцы, подаванье
Для обездоленныхъ дѣтей,
Да облегчатся ихъ страданья
И слезы бѣдныхъ матерей.

Подобныхъ или близкихъ тому примѣровъ было немало при сборахъ на военныя нужды вообще.

Общественная пассивность съ момента объявленія войны, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла сброшена съ плечъ страны и наступилъ моментъ всеобщаго объединенія. Вся страна и нынѣ стоитъ, какъ одинъ человекъ, собирая свои силы для борьбы, цѣлью которой является освобожденіе отъ милитаризма и германскаго гнета. Свидѣтельствомъ всеобщаго воодушевленія, вызваннаго настоящей войной, могутъ служить тѣ трогательныя сцены, когда добровольцами на войну шли не только взрослые, но и дѣти, убѣгавшія тайно изъ семьи, изъ теплаго угла, отъ родителей. Даже столѣтніе старцы изъ отставныхъ военныхъ, неспособные носить оружіе, вспоминая свои былыя ратныя времена, стали просить, какъ милости, принять ихъ добровольцами на войну.

Есть моменты въ исторіи, когда наступаетъ безвѣріе въ лучшее будущее и связанная съ нею пассивность. Эти моменты опасны для государства, ибо они обозначаютъ явленія упадка общественной дѣятельности и ведутъ страну къ отставанію въ поступательномъ ходѣ націи, къ регрессу, а не къ прогрессу.

И вотъ, когда дается сильный толчокъ извнѣ, когда странѣ угрожаетъ опасность, эти условія выводятъ страну изъ апатіи и сдвигаютъ ее съ мертвой точки, а „подъемъ духа націи ради великодушнѣйшей идеи, по словамъ великаго Достоевскаго, есть толчокъ впередъ, а не озвѣреніе“. Такимъ толчкомъ и оказалась для нашей страны разразившаяся война.

Мы не можемъ сказать, какъ будетъ дальше и надолго ли сохранится этотъ подъемъ народной энергіи, но несомнѣнно, что война возбудила къ дѣятельности дремавшія ранѣе у насъ общественныя силы и тѣмъ самымъ привела къ повышенію жизненнаго темпа на то или другое время.

Такимъ образомъ первый и основной результатъ, который принесла намъ война, это устраненіе косности и пассивности, столь свойственной вообще нашему народу. Это пробужденіе отъ длительной спячки и пассивности русскаго народа само по себѣ представляетъ собой фактъ огромной важности, который можетъ и долженъ отразиться на судьбахъ Россіи и въ будущемъ.

Такъ какъ вся страна соучаствуетъ въ тѣхъ жертвахъ, которыя влечетъ за собою война, то благодаря этому становятся возможными даже такія общественныя событія, которыя при иныхъ условіяхъ осуществиться не могли бы.

Возьмите, напримѣръ, такой вопросъ какъ отрезвленіе Россіи, пусть даже относительное отрезвленіе; развѣ оно могло бы быть поставлено такъ радикально въ мирное время, какъ оно прошло въ періодъ войны. П. Струве говоря (въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“), что „прекращеніе пьянства въ Россіи есть не только административный, но и нравственный актъ, изшедшій изъ самой народной жизни и долженъ получить мировое значеніе“.

Возьмемъ другой примѣръ — объединеніе общественныхъ силъ въ видѣ Союза Городовъ и Земствъ и ихъ гигантская работа въ тылу театра войны на пользу родины и приносимыхъ ею жертвъ. Развѣ не доказало воочію для всѣхъ общегосударственное и высокое общественное значеніе этого Союза, въ которомъ слились всѣ русскія общественныя силы и развѣ все это и даже самый Союзъ былъ бы возможенъ у насъ въ мирное время.

Нынѣ, конечно, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ все поглощено войной, всѣ общественныя силы устремлены въ эту сторону и потому трудно намѣтить тѣ послѣдствія, которыя окажутся въ результатъ этого великаго общественнаго сдвига. Однако, нельзя не отмѣтить здѣсь уже теперь намѣчаемая всевозможныя изысканія путей къ обезпеченію независимости въ различныхъ предпріятіяхъ и областяхъ труда, что обозначаетъ стремленіе стать на собственныя ноги, обходиться безъ помощи другихъ.

Вмѣстѣ съ этимъ нельзя не отмѣтить глубокой психологической черты, проявившейся въ самосознаніи русскаго народа. Еще такъ недавно въ періодъ Русско-Японской войны мы были свидѣтелями, какъ многими изъ общественныхъ круговъ выносились резолюціи противъ веденія войны и въ пользу скорѣйшаго заключенія мира, мира во что бы то ни стало, хотя бы даже съ ущербомъ для интересовъ и достоинства Россіи. Нынѣ мы видимъ совершенно другую картину. Общій кличъ „довести войну до побѣднаго конца“ прозвучалъ почти во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ и сѣздахъ въ Россіи, начиная съ Московскихъ. Въ пользу того же высказываются даже такіе представители общественной мысли, какъ извѣстный Плехановъ. Исключеніе составляетъ лишь такъ наз. „пораженцы“, но ихъ голосъ заглушается большинствомъ русскаго общества, въ которомъ держится твердое убѣжденіе, что, какія бы испытанія для страны не влекла за собой настоящая война, она должна быть доведена до побѣднаго конца, ибо всѣмъ ясно, что въ противномъ случаѣ государство, подавшаго подъ гегемонію Германіи, подвергнется гибельнымъ условіямъ милитаристическаго гнета еще болѣе тяжелаго по сравненію съ тѣмъ, какія они испытывали въ теченіе послѣднихъ десятковъ лѣтъ.

Вотъ почему въ русскомъ обществѣ поддерживается глубокая духовная связь между народомъ и арміей и стремленіе всѣми силами помочь своей арміи, облегчить ея задачу, смягчить для нея такъ или иначе невзгоды пребыванія на фронтѣ. И горе, и радость арміи являются воистину горемъ и радостью самого народа, сердце котораго бьется въ унисонъ съ сердцами всѣхъ защитниковъ родины.

Въ послѣдній періодъ войны особенно ярко проявилось стремление общественныхъ круговъ объединиться съ властью для достойнаго завершения борьбы; при этомъ былъ проявленъ необычайный патриотическій подъемъ и въ Государственной Думѣ и въ различныхъ общественныхъ организаціяхъ. Если это дѣло объединенія не достигло цѣли, то, во всякомъ случаѣ не по винѣ общественныхъ круговъ, которые и теперь неустанно напрягаютъ силы для отпора вѣшняго врага въ надеждѣ на грядущее затѣмъ внутреннее обновление и торжество международного права.

Дальнѣйшій фактъ, который долженъ быть отмѣченъ въ связи съ войной — это поднятiе цѣнности человѣческой жизни. Какъ это не можетъ показаться страннымъ съ самаго начала, но несомнѣнно, что, напримѣръ, число самоубійствъ вмѣстѣ съ началомъ войны у насъ рѣзко понизилось, что доказывается точными статистическими данными. Причину этого можно видѣть въ устраненіи спиртныхъ напитковъ, въ большемъ матерьяльномъ заработкѣ по случаю войны трудящимся классомъ, но несомнѣнно въ этомъ отношеніи извѣстную и притомъ не малую роль сыгралъ и тотъ подъемъ общественной энергии, который обозначился въ связи съ войной.

Сама война, т. е. боевыя условія, какъ извѣстно, всегда сопровождаются до нѣкоторой степени небреженіемъ къ жизни, ибо помню привычки къ боевымъ условіямъ, всякимъ воиномъ сознается, что сохраненіе жизни не въ его власти, а скорѣе дѣло судьбы, и съ другой стороны среди воюющихъ не можетъ не быть сознанія, что жизнь отдается ими за родину, вслѣдствіе чего самая смерть признается, какъ долгъ, какъ жертва, которая не должна даже оплакиваться.

Тѣмъ не менѣе и на войнѣ, какъ только человѣкъ выходитъ изъ огня, онъ не можетъ не почувствовать въ большей мѣрѣ цѣнности жизни, нежели при обыкновенныхъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи могутъ служить рассказы раненыхъ, которые, выйдя изъ страшной кровавой бойни, начинаютъ испытывать ощущеніе жизненной радости, котораго ранѣе при обыкновенныхъ условіяхъ они не имѣли.

Другой фактъ высокой моральной цѣнности, который принесла съ собой война, это объединеніе всѣхъ народностей предъ лицомъ грозной опасности. Такое объединеніе, сложившееся въ силу события времени, не можетъ не отразиться и на послѣдующемъ періодѣ жизни союзныхъ странъ и въ частности Россіи. Ясно, что если всѣ элементы той или иной страны объединяются въ періодъ войны для защиты отечества, то и нѣтъ основанія одной категоріи лицъ выставлять себя въ роли единственныхъ ревнителей защиты родины, носителями отечественной славы и величія, ибо на поляхъ сраженія умирали и умираютъ всѣ.

Отсюда не можетъ не послѣдовать ослабленія столь распространеннаго у насъ „зоологическаго“ націонализма, что и совершилось на нашихъ глазахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ флагъ своеобразнаго „крикливаго патриотизма“, который въ мирное время подъ влияніемъ внутреннихъ раздоровъ узурпировали отдѣльныя партіи, сдѣлался достояніемъ всѣхъ и прежніе узурпаторы какъ будто бы даже стали прятать свою голову. Въ этомъ отношеніи произошелъ большой сдвигъ въ общественномъ самосознаніи и даже въ самомъ понятіи патриотизма. Вотъ, что мы читаемъ по этому поводу въ одной изъ газетъ: „...чѣмъ болѣе грозной казалась надвигавшаяся опасность, тѣмъ глубже взволновала насъ неожиданно для многихъ проснувшаяся горячая любовь къ родинѣ, и на невѣдомомъ дотолѣ днѣ душъ нашихъ обнаружила благородная готовность все отдать ради обороны своего бѣднаго, неуютнаго народнаго гнѣзда. Немало обитателей Россіи тогда впервые, можетъ быть, почувствовали, по настоящему, сколь органична и нерасторжима ихъ привязанность къ этому гнѣзду, вчера еще казавшемуся, и не безъ основанія, постылымъ. Но въ этомъ и

состояло основное оздоровляющее воздействие войны, что она отодвинула в сторону все многочисленные критерии, по которым у нас различали овец от козлиц, плодотворное от зловредного, и над всеми ими поставила один бесспорный и общепонятный критерий: нужно и желанно то, что помогает победить врага, вредносно то, что мешает победить.

При свете этого критерия произошла коренная переоценка всех ценностей, гораздо более радикальная и жизненная, чем все провозглашавшиеся еще недавно различными философскими системами и теориями. Понятие патриотизма совершенно изменило свое содержание и из подозрительной специальности некоторых подозрительных кружков превратилось в общенародное знамя. Лучшие работники на ниве живого и необходимого отечеству в данную минуту труда вышли как раз из рядов тех, кто никогда своего патриотизма не рекламировал и даже, быть может, сам не подозревал, а скромно делал свое дело, создавал те трудовые ячейки, великая патриотическая ценность которых обозначилась с очевидностью для всех только в минуту последнего испытания. И перед этой очевидностью склонили голову все хулители и доносители, скептики и малодушные.

Вполне понятно, что, когда родина в опасности, любовь к ней осязается всеми гораздо полнее и ярче, нежели в обыкновенное время. Одна мысль о возможности ее утратить или испытать на себе ее унижение уже волнует сердца.

О, родина! люблю тебя я нежною любовью,
Как малолетний сын, свою родную мать.
Хотел бы я в тот час, когда сыновней кровью
Залиты бедныя поля, душой тебя обнять.
И чувствую, чем больше ты в борьбе изнемогаешь.
Под натиском врага, чем больше льется кровь
Твоих сынов, чем больше ты душой страдаешь,
Тем более растеть к тебе моя любовь.
И верю я, что ты, пройдя горнило испытанья,
И отряхнув с себя слои пыли вражовой,
Свободная от мук безмернаго страданья,
Предстанешь всем, блестя невиданной красой.

Что общая опасность жертвы и смерть сближают людей друг с другом—это не требует особых разъяснений.

Газетные сообщения в период текущей войны давали немало примеров, как трогательно было в отдельных случаях единение между лицами разных национальностей; они указали также и благородные примеры того как втроисповедная рознь сглаживалась и исчезала пред великим порывом человеческой души. Так в одном случае пастору и раввину во Франци пришлось укрыться в одной какой то клетушке и, так как там оказалась всего одна кровать, то и пастор и раввин оба улеглись на эту единственную кровать и лежа трогательно вели беседу на тему, как сближает сама сила вещей ветхий и новый завет.

Другой эпизод не менее трогательный передает газета Б. Суворина, которую никак нельзя заподозрить в юдофильств. В телеграмме из другого, когда то яростно антисемитскаго органа французской католической партии „Liberté“, мы читаем:

„В Бордо сообщают, что старшина еврейской колонии, раввин Авраам Блох, поступивши в 14-ый армейскій корпус погиб на поле брани при слѣдующих обстоятельствах.

Послѣ сраженія французскія войска поспѣшно очистили одну деревню подъ жестокимъ огнемъ непріятели.

Одинъ изъ раненыхъ принявъ раввина за католическаго священника, просилъ его подойти къ нему и дать поцѣловать крестъ.

Блохъ пошелъ и отыскалъ крестъ, который принесть и дасть поцѣловать умирающему, одновременно вызвавъ санитарную повозку, чтобы подобрать раненаго. Однако, пока успѣли прѣбыть санитары, упавшимъ орудинымъ снарядомъ раввинъ, оставшійся при умирающемъ, былъ убитъ.

И у насъ, конечно, произошелъ сдвигъ въ общественныхъ кругахъ въ смыслѣ большаго объединенія народовъ и ослабленія той партийной и национальной розни, которая такъ была сильна въ периодъ, предшествующій развитію военныхъ событій.

Кто не помнитъ того знаменитаго засѣданія Государственной Думы при открытіи военныхъ дѣйствій, когда народные представители, ранѣе не подходивше другъ къ другу и въ то же время не знавшіе границъ въ заявленияхъ взаимнаго недружелюбія послѣ рѣчей полныхъ патриотическаго воодушевленія вновь знакомились другъ съ другомъ, пожимая руки одинъ другому. Не менѣе знаменательно въ смыслѣ показанія общественнаго сдвига въ указанномъ отношеніи и извѣстное цѣлованіе еврейской торы во время народной манифестаціи однимъ изъ народныхъ депутатовъ Государственной Думы, который ранѣе того своими заявлениями въ Думѣ испортилъ немало крови тѣмъ же евреямъ.

Надо надѣяться, что со времени настоящей войны устранился одна изъ тяжелыхъ несправедливостей по отношенію къ еврейской націи, которая тяготѣетъ надъ нашей совѣстью. Прежде всего съѣздъ Союза Городовъ въ Москвѣ, какъ извѣстно, возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы черта осѣдлости не касалась больныхъ и раненыхъ вонновъ и не касалась бы бѣженцевъ, такихъ же жертвъ войны, какъ и воины. Въ результатѣ дальнѣйшихъ событій явилось сознаніе не только объ аморальности черты еврейской осѣдлости, но и общегосударственной ея безсмысленности, вслѣдствіе чего послѣдовало извѣстное разрѣшеніе о правѣ жительства евреевъ во всѣхъ городахъ Россіи. Эта благая мѣра къ сожалѣнію однако не обошлась безъ ложки дегтя, ибо распубликованіе права для евреевъ селиться во всѣхъ городахъ Россіи сопровождается ни на чемъ не обоснованнымъ запрещеніемъ жительства для евреевъ въ обѣихъ столицахъ и въ г. Ялтѣ. Наконецъ и примѣненіе пресловутой процентной нормы для евреевъ учащихъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подверглось, какъ извѣстно, существенно смягченію. Можно надѣяться однако, что на полумѣрахъ дѣло въ концѣ концовъ не остановится, ибо равенство всѣхъ гражданъ одного государства передъ закономъ представляетъ тотъ принципъ, который крѣпче всего сплавляетъ народы другъ съ другомъ въ цѣляхъ общаго государственнаго строительства, тогда какъ неравенство ведетъ къ внутренней розни и гибели государства.

Далѣе одна газета обратила вниманіе на тотъ фактъ, что когда-то шумѣвшія сверхъ всякой мѣры патриотическія организаціи, въ периодъ войны куда то исчезли, я бы сказалъ, перестали столь назойливо заявлять о себѣ, какъ это было до войны. Это, конечно, ничуть не значитъ, что послѣ войны эти организаціи не сдѣлаютъ новой попытки шумѣть о себѣ попрежнему, но врядъ ли они кого-либо уже введутъ въ заблужденіе, что они держатъ родной стягъ выше другихъ. Старый патриотическій пафосъ безъ фактическихъ основъ прошлой дѣятельности никого уже не можетъ ввести въ заблужденіе.

Съ этимъ связанъ и другой моральный итогъ, относящійся специально до Россіи, который я вижу въ томъ, что настоящая война, при усиліи ея развитіи, дастъ намъ возможность освободиться отъ пагубнаго для насъ иностраннаго давленія, не только во вѣншей, но и во внутренней политикѣ,

которое производилось до сих поръ почти исключительно со стороны Германіи, въ послѣднее время и отъ самого Вильгельма.

Дѣло въ томъ, что уже издавна наша страна подпала подъ германское вліяніе, которое принесло съ собою феодализмъ, сословныя различія и въ позднѣйшее время милитаризмъ. Кромѣ того всѣмъ извѣстно, что и нашъ „зоологическій“ націонализмъ оказался въ дружбѣ съ германизмомъ и оба взаимно поддерживали другъ друга. Въ концѣ концовъ благодаря нѣмецкому вліянію дѣло дошло до болѣе или менѣе полного подчиненія всей вообще славянской культуры германской культурѣ и наукѣ. Всѣмъ извѣстно, что нѣмцы, не скрывая, признавали славянскую расу за низшую, которая будто бы можетъ служить лишь въ формѣ удобрения для германской культуры. И все это въ то время, когда въ нашей странѣ раздавалась проповѣдь „всечеловѣчества“ нашего великаго Достоевскаго, а позднѣе проповѣдь единенія и миролюбія такого общепризнаннаго гения, какъ Л. Толстой.

На ряду съ этимъ мы не можемъ не вспомнить, что заявлялъ коллективный славянскій умъ на бывшихъ славянскихъ сѣздахъ. Какой лозунгъ объединялъ славянскихъ представителей во время сѣздовъ въ Прагѣ и Софіи. Этимъ лозунгомъ были: „свобода, равенство и братство народовъ“. Не менѣе извѣстно, какое злорадство возбудили и эти сѣзды, и лозунги славянъ на этихъ сѣздахъ, а реальнымъ отвѣтомъ на нихъ явилась аннексія Босніи и Герцеговины, иначе говоря, рабское подчиненіе двухъ исконно славянскихъ провинцій нѣмецкому режиму, овладѣніе Константинополемъ со стороны нѣмцевъ вмѣстѣ съ миссіей Сандерса и наконецъ предшествующій настоящей войнѣ непристойно наглый ультиматумъ Сербіи, предъявленный со стороны Австро-Венгрии.

Кто не сочтетъ это издѣвательствомъ надъ свободой славянскихъ народовъ и надъ ихъ лучшими вождѣльнїями, освященными историческими традиціями?

Вотъ почему мы должны пожелать, чтобы въ результатѣ войны проповѣдь нѣмецкой гордыни поникла передъ лозунгомъ свободы, равенства и братства народовъ.

Какъ извѣстно, наше подчиненіе за послѣднее время ближайшему къ намъ западному сосѣду, достигало такой степени, что нѣмцы были почти правы, когда смотрѣли на нашу страну, какъ на свою колонію. Ни политическому вліянію, ни даже заселенію страны съ сохраненіемъ правъ для поселенцевъ нѣмецкаго бюргерства, какъ извѣстно, почти не дѣлалось никакого противодѣйствія.

Съ общечеловѣческой точки зрѣнія противъ этого, конечно, можно бы и не возражать, если бы въ колонизаціи Россіи нѣмцами и въ политическомъ на нее давленіи дѣло сводилось къ общечеловѣческимъ интересамъ. А, между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что въ Германіи послѣ Франко-Прусской войны была придумана своеобразная формула „двойного подданства“, олицетворяющая двуличіе самой политики, создавшей эту формулу. Послѣдняя не можетъ не быть признана развращающей и аморальной уже потому, что допускаетъ въ принципѣ предательство — одинъ изъ худшихъ пороковъ человѣческой личности.

Вмѣстѣ съ этимъ мы не можемъ не отмѣтить то тяжелое политическое давленіе, которое испытывала Россія со стороны Германіи и которое означалось между прочимъ поддержкой и поощреніемъ угнетающаго режима въ отношеніи поляковъ въ Русской Польшѣ, что давало возможность самимъ нѣмцамъ проводить уничтожающую для поляковъ политику въ Познани и Восточной Пруссіи и въ то же время поддерживать наши грустные раздоры съ братьями-поляками.

Тѣ данныя, которыя будутъ выяснены въ этомъ отношеніи будущимъ историкомъ, дадутъ возможность многое освѣтить въ этомъ отношеніи, что для широкой публики пока остается неизвѣстнымъ и что покажетъ, что въ томъ

тяжеломъ режимѣ, который установился до войны въ Русской Польшѣ виноваты не мы одни, но еще, быть можетъ, въ большей мѣрѣ нѣмцы или точнѣе ихъ политическіе руководители.

Всѣмъ извѣстно, какое облегченіе для друзей-поляковъ принесло съ началомъ войны воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ, которое сразу открыло путь къ братскому сближенію двухъ долго враждовавшихъ славянскихъ народовъ и начертало свѣтлую канву будущихъ взаимныхъ отношеній между русскими и поляками.

Этотъ моральный итогъ нельзя не признавать очень важнымъ, ибо улучшеніе русско-польскихъ отношеній не могло быть достигнуто въ теченіе болѣе столѣтія и даже не привелъ къ соответствующему сдвигу этихъ отношеній революціонный періодъ русской исторіи.

Съ благопріятнымъ разрѣшеніемъ русско-польскихъ отношеній, тяготѣвшихъ въ теченіе столѣтій надъ обоими народами, должны получить осуществленіе и культурныя и политическія стремленія остальнаго славянства.

Становясь на общечеловѣческую точку зрѣнія, ставящую своимъ девизомъ самоопредѣленіе самими народами условій своей культурной жизни и допущеніе лишь той власти, которая служитъ къ благопріятному развитію этой культуры, нельзя не признать, что западные славянскіе народы, будучи народами слабыми, не могутъ достигъ своихъ культурныхъ идеаловъ безъ помощи Россіи.

Вотъ почему провозглашеніе принципа свободнаго развитія и самоопредѣленія всѣхъ славянскихъ и другихъ культурныхъ народовъ само по себѣ есть актъ, приближающій насъ къ общечеловѣческому идеалу.

Въ частности мы должны отмѣтить здѣсь извѣстный плюсъ и для самой Россіи, ибо западные славянскіе народы, будучи неизмѣримо слабѣе Россіи, опередили насъ своей культурой и представляются странами болѣе демократическими, чѣмъ какіе-либо другіе народы Европы. Вслѣдствіе этого ожидаемое сближеніе Россіи съ западнымъ славянствомъ на почвѣ культурныхъ интересовъ обѣщаетъ и намъ возможное облегченіе жизненныхъ условій въ смыслѣ сдвига нашей страны въ сторону демократизма.

Но не въ славянствѣ одномъ дѣло. На южныхъ горахъ Кавказа мы встрѣчаемся съ народомъ, который находится подъ жестокимъ игомъ османовъ и который единственный выходъ къ свѣту видитъ въ покровительствѣ Россіи. Еще до войны отдалъ этотъ народъ немало крови въ пастъ того злого бога, который именуется на нашемъ языкѣ мусульманскимъ фанатизмомъ и человѣконенавистничествомъ, и мы вѣримъ и надѣемся, что и здѣсь въ результатѣ войны наступитъ мирная культурная жизнь народа, еще такъ недавно вынесшаго на своихъ плечахъ массовыя убійства, грабежи и другія насилія, чинимыя со стороны турокъ.

Но особо важное значеніе для Россіи имѣетъ фактъ сближенія ея съ передовыми по культурѣ великими націями Европы — Франціей и Англійей, этихъ центровъ просвѣщенной европейской мысли. Исторія показываетъ, что каждый разъ, когда Россія сближалась съ передовыми по культурѣ народами Запада, особенно съ Франціей, это отражалось свѣтлыми страницами и въ русской исторіи и, наоборотъ, сближеніе съ германизмомъ омрачало и наше внутреннее положеніе.

Вотъ почему въ моральный итогъ необходимо засчитать тотъ фактъ, что тяжелыя событія войны насъ сблизили съ такими націями, какъ Франція и Англія, откуда уже неоднократно разливался свѣтъ просвѣщенія и на Россію.

Необходимо намъ и нынѣ радостно привѣтствовать тотъ фактъ, что мы, въ періодъ тяжелыхъ испытаній, оказываемся въ хорошей средѣ.

Съ этимъ вмѣстѣ Россія должна такъ или иначе измѣнить свой фронтъ, ибо всякому понятно, что быть въ извѣстной средѣ это значить и самому прикоснуться къ ней.

Перейдемъ теперь къ моральнымъ итогамъ съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ идеаловъ.

Для всѣхъ людей должно быть ясно, что въ настоящей войнѣ борются два мировоззрѣнія, изъ которыхъ одно—германское—ставить интересы своего отечества выше всего на свѣтѣ (Vaterland über alles) и стремится къ возвеличению господства своего народа надъ всѣми другими народами, другое же признаетъ несомнѣстимость нѣмецкаго національнаго идеала съ общечеловѣческими интересами. Оно признаетъ, что идея свободы и братства народовъ потерпѣть полное крушеніе вмѣстѣ съ побѣдой германизма, ибо она будетъ знаменовать господство силы надъ правомъ. Вотъ почему первый основной моральный общечеловѣческій итогъ, который мы должны отмѣтить, какъ результатъ текущей войны, это объединеніе народовъ Европы въ лицѣ союзниковъ противъ милитаристическихъ стремленій и имперіализма Германіи во имя торжества принциповъ международнаго права. Ибо всѣмъ извѣстно, что ближайшимъ поводомъ къ войнѣ со стороны союзниковъ послужило безправное нападеніе Австро-Венгріи, подстрекаемой Германіей, на маленькую Сербію, а дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи борьбы союзныхъ народовъ явилось не менѣе безправное нападеніе Германіи на нейтральныя государства — Люксембургъ и Бельгію. Эти моральныя основанія для борьбы союзниковъ послѣ ихъ побѣды не могутъ не привести къ торжеству идеаловъ права и свободы, ибо за эти именно принципы и лется нынѣ кровь народовъ, борющихся противъ Австро-Германіи. Вотъ почему въ результатѣ войны мы должны ожидать глубокаго моральнаго переворота въ международныхъ отношеніяхъ и грядущаго торжества принциповъ права и большей свободы всѣхъ вообще народовъ.

Дальнѣйшіи моральный итогъ настоящей войны нельзя не видѣть въ развѣнчиваніи германизма, какъ культурнаго свѣточа современной Европы. Кто не знаетъ, какимъ обаятельнымъ ореоломъ въ глазахъ всѣхъ была окружена германская культура, которой мы не только вѣрили, но за которой слѣпо слѣдовали, считая за счастье въ чемъ-либо достигъ высоты германской культуры.

А между тѣмъ съ открытіемъ военныхъ дѣйствій какъ бы раскрылись глаза у всѣхъ. Вмѣстѣ съ наглымъ попраніемъ нейтралитета Люксембурга и Бельгіи мы начали слышать тевтонскіе приемы совершенно безцѣльной расправы съ цѣннѣйшими сокровищами наукъ и искусствъ, извѣстія о которыхъ изъ Лувена и Реймса превзошли всякое вѣроятіе.

Варварское разрушеніе Лувена между прочимъ воспѣто въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Я прощу у васъ пощady
На старинный градъ Лувенъ,
Гдѣ сокровищъ мириады
Средь искусства и письменъ“.

Такъ предъ варваромъ тевтономъ
Бургомейстеръ рѣчь держалъ
И подъ громъ войны съ поклономъ
Ключъ отъ града подавалъ.

Но, съ улыбкою надменной
Грозно вымолвилъ тевтонъ:
„Мы властители вселенной,
Гдѣ нашъ мечъ — тамъ вопль и стонъ!“

И, подвергнувъ разрушенью
Всѣ сокровища, тевтонъ
Предалъ гражданъ истребленью,
Не щадя дѣтей и женъ.

Также и разрушеніе Реймскаго собора воспѣто Голенищевымъ-Кутузовымъ (см. „Виржевыя Вѣд.“ 24 сент. 1914 и Тихобережскимъ въ „Новомъ Звѣнѣ“ 4 окт. того же года).

Мы начали также узнавать о истинно звѣрскомъ отношеніи къ мирнымъ жителямъ со стороны нѣмцевъ и въ Бельгіи и у насъ въ Польшѣ, заканчивающемся разстрѣлами ни въ чемъ не повинныхъ лицъ, и о звѣрствахъ, не щадящихъ ни раненыхъ, ни женщинъ, ни дѣтей, которыхъ заставляли даже идти впереди войскъ, что ореолъ германской культуры началъ быстро блекнуть въ нашихъ глазахъ и мы поняли, что есть культура и культура, что подъ внѣшней культурной оболочкой можетъ скрываться „прусскій юнкеръ“, воспитанный на тѣлесномъ наказаніи въ первоначальной школѣ и въ особенности при военномъ обученіи, который затѣмъ и самъ перестаетъ понимать основы разумнаго воспитанія, не представляя себѣ его иначе, какъ съ палкой въ рукѣ. Ясно, что воспитанный подъ палкой человекъ содержитъ въ себѣ того звѣря, который просыпается въ немъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о жизненныхъ интересахъ.

Мы могли предполагать, что такая антикультурность могла быть принадлежностью одной военной германской среды, но затѣмъ мы начали слышать уже изъ другихъ слоевъ населенія, что нѣмцамъ въ цѣляхъ побѣды „все дозволено“.

Извѣстно, что и демократія германская оказалась не на высотѣ тѣхъ принциповъ, которые ею заявлялись до войны.

Можно понять, что есть моменты въ исторіи, когда лучше молчать, если нельзя говорить, но говорить, отказываясь отъ своихъ основныхъ принциповъ, это уже нѣчто ничему несоответственное.

Наконецъ, воззваніе нѣмецкихъ ученыхъ, поразившее міръ оправданіемъ германскаго милитаризма. Это нѣчто, превзошедшее все, что можно было въ этомъ отношеніи ожидать отъ представителей науки, носителей лучшихъ идеаловъ страны *). Протесты противъ него, какъ извѣстно, посыпались отовсюду.

*) Приведемъ здѣсь этотъ замѣчательный документъ полностью въ виду его особой поучительности.

КЪ КУЛЬТУРНОМУ МІРУ.

ВОЗЗВАНІЕ.

Какъ представители германской науки и искусства, мы заявляемъ протестъ передъ всѣмъ культурнымъ міромъ противъ лжи и клеветы, которыми наши враги стремятся запятнать чистое дѣло Германии въ навязанной ей тяжелой борьбѣ за существованіе. Желѣзный голось событий уже опровергнулъ распускаемые ими измышленія о нѣмецкихъ пораженіяхъ. Тѣмъ ревностнѣе теперь распространяются извращенныя свѣдѣнія и инсинуаціи. Противъ нихъ мы громко возвышаемъ нашъ голось. Онъ долженъ возвѣстить правду.

Это не правда, что Германия виновница войны. Ни народъ, ни правительство, ни императоръ не хотѣли ея. Со стороны Германии были приняты крайнія мѣры для ея предотвращения. Тому есть документальныя доказательства. Достаточно часто Вильгельмъ II въ теченіе своего 26-ти лѣтняго царствованія являлся хранителемъ всеобщаго мира; достаточно часто даже наши враги это признавали. Да, этотъ самый императоръ, котораго они теперь осмѣливаются называть Аттилой, въ теченіе десятилѣтій подвергался насмѣшкамъ съ ихъ стороны за свое непоколебимое миролюбіе. Лишь послѣ того, какъ давно подстерегавшія насъ на нашихъ границахъ громадныя вражескія силы съ трехъ сторонъ напали на насъ, нашъ народъ поднялся, какъ одинъ человекъ.

Это не правда, что мы преступно нарушили нейтралитетъ Бельгіи. Имѣются доказательства тому, что Франція и Англія уже раньше приняли рѣшеніе нарушить его. Имѣются доказательства тому, что Бельгія согласилась на это. Было бы равносильно самоубійству, если бы мы не предупредили ихъ.

Это неправда, что нашими солдатами были задѣты жизнь и имущество хотя бы одного бельгійскаго гражданина, когда того властно не требовала самозащита. Несмотря на всѣ увѣщанія, население все снова и снова, изъ-за угла обстрѣливало

И странно, что защитники милитаризма въ своемъ воззваніи говорятъ о завѣтахъ Канта, Гете и Бетховена. Это похоже на то, какъ самъ Вильгельмъ постоянно ссылается на стараго нѣмецкаго Бога, ему будто бы покровительствующаго въ кровавомъ дѣлѣ.

Надо сознаться, что мы просмотрѣли, что послѣ Гете и Шиллера германская нація измѣнила свое лицо и послѣ Франко-Прусской войны начала создавать идею своего національнаго Бога. Эта идея началась не вдругъ. Толчкомъ для этого явились ошеломляющіе міръ военные успѣхи Германіи въ 70-хъ годахъ, но въ особенности она начала проникать въ умы молодежи съ тѣхъ поръ, какъ въ воспитаніи юношества начали устранять въ Германіи почву гуманизма и стали усиленно прививать національныя тенденціи. Начало этому было положено самимъ Вильгельмомъ съ того времени, когда онъ заявилъ, что до сихъ поръ учили, какъ шли отъ Марафона къ Седану, а я бы желалъ, чтобы учили, какъ можно придти отъ Седана къ Марафону.

нашихъ солдатъ, уродовало раненыхъ и убивало врачей при исполненіи ихъ самаритянскаго долга. Нѣтъ болѣе гнуснаго подлога, чѣмъ замалчиваніе преступленій этихъ подлыхъ убійцъ съ цѣлью вмѣнить нѣмцамъ въ преступленіе то справедливое наказаніе, которому тѣ подверглись.

Это не правда, что наши войска звѣрски свирѣпствовали въ Лувенѣ. Обстрѣль части города былъ актомъ возмездія, которому они съ тяжелымъ сердцемъ должны были подвергнуться безумствовавшее населеніе, предательски напавшее на расквартированныя среди него воинскія части. Большая часть Лувена осталась неуничтоженной. Знаменитая ратуша стоитъ и теперь невредимой. Наши солдаты самоотверженно охраняли ее отъ пламени. Если въ этой ужасной войнѣ разрушены произведенія искусства или если они еще будутъ уничтожены, то каждый нѣмецъ сталъ бы это оплакивать. Не уступая никому въ любви къ искусству, мы однако рѣшительно отказываемся спасти художественное произведеніе цѣною нѣмецкаго пораженія.

Это не правда, что нашъ способъ веденія войны не считается съ законами междунагоднаго права. Наши войска не знаютъ разнузданной жестокости; а на Востокъ земля пропиталась кровью зарѣзанныхъ русской ордой женщинъ и дѣтей, на Западѣ пули думъ-думъ разрываютъ грудь нашимъ воинамъ. Менѣе всего имѣютъ право разыгрывать роль защитниковъ европейской цивилизациі тѣ, кто заключали союзъ съ русскими и сербами, и являютъ міру позорное зрѣлище, нравлявая монголовъ и негровъ на бѣлую расу.

Это не правда, что борьба противъ нашего такъ называемаго милитаризма не есть борьба противъ нашей культуры, какъ лицемѣрно утверждаютъ наши враги. Безъ нѣмецкаго милитаризма нѣмецкая культура давно была бы стерта съ лица земли. На защиту этой культуры возникъ милитаризмъ изъ ея же нѣдръ въ странѣ, которая въ теченіе вѣковъ подвергалась разбойничьимъ набѣгамъ болѣе чѣмъ какая-либо иная страна. Нѣмецкое войско и нѣмецкій народъ составляютъ одно цѣлое. Это сознание братски объединяетъ нынѣ 70 милліоновъ нѣмцевъ безъ различія уровня образованія, сословія и партій.

Мы не въ состояніи вырвать изъ рукъ нашихъ враговъ отравленнаго ложью оружія. Мы можемъ лишь громко крикнуть всему міру, что они лжесвидѣтельствуютъ о насъ. Къ вамъ, которые знаете насъ, къ вамъ, которые до сего времени совмѣстно съ нами берегли высшее достояніе челоѳчества, къ вамъ мы взываемъ: Вѣрьте намъ. Вѣрьте, что мы, доведемъ эту борьбу до конца, какъ народъ культурный, для котораго завѣты Гете, Канта, Бетховена такъ же святы, какъ собственный очагъ и родная земля.

Порукой этому наши имена и наша честь.

Адольфъ фонъ-Бегеръ, профессоръ химіи, Мюнхенъ; профессоръ Петръ Беренсъ, Берлинъ; Эмиль фонъ-Берингъ, профессоръ медицины, Марбургъ; Вильгельмъ фонъ-Боденъ, генераль-директоръ Королевскаго Музея, Берлинъ; Алоизъ Брандтъ, профессоръ, председатель общества по изученію Шекспира, Берлинъ; Льюисъ Брентано, профессоръ политической экономіи, Мюнхенъ; профессоръ Юстусъ Бринкманъ, директоръ музея, Гамбургъ; Юганъ Конрадъ, профессоръ политической экономіи, Галле; Фрицъ фонъ-Деффригеръ, Мюнхенъ; Рихардъ Демель, Гамбургъ; Адольфъ Дейсманъ, профессоръ протестантской теологіи, Берлинъ; профессоръ Вильгельмъ Дерпфельдъ, Берлинъ; Фридрихъ фонъ-Дунъ, профессоръ археологіи, Гейдельбергъ; профессоръ Павелъ Эрлихъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ; Альбертъ Эр-

Особенно видную роль въ этомъ отношеніи сыгралъ, повидному, и такъ называемый гобинизмъ. Около 60 лѣтъ назадъ вышелъ въ свѣтъ большой трудъ французскаго дипломата графа Гобино „Изслѣдованіе о первенствѣ чело- вѣческихъ расъ“. Въ этомъ трудѣ доказывается, что изъ трехъ чело вѣческихъ расъ черная раса стоитъ ниже всѣхъ, желтая раса имѣетъ одно стремленіе къ безмятежной жизни, бѣлая же раса характеризуется „волевой интеллигенціей“, чрезвычайной жаждой жизни и сравнительно слабымъ проявленіемъ чувствъ. Но и среди бѣлой расы есть народы различнаго качества. По его мнѣнію гер- манцы, какъ чистые представители бѣлой расы, имѣютъ всѣ преимущества передъ другими народами Европы — семитами, кельтами и славянами. Само собою раз- умѣется, что въ Германіи за эту теорію ухватились.

„Въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка“, читаемъ мы въ одной изъ газетъ, въ Германіи было основано общество для изученія и распространенія теоріи Гобино и вскорѣ гобинизмъ вошелъ въ кровь и плоть каждаго нѣмца, къ

гардъ, профессоръ химіи, Карлсруэ; Гергардъ Эссеръ, профессоръ католической теологии, Боннъ; Рудольфъ Эйкинъ, профессоръ философіи, Іена; Гербертъ Эйлен- бургъ, Генрихъ Финке, профессоръ исторіи, Фрейбургъ; Эмиль Фишеръ, профес- соръ химіи, Берлинъ; Эдуардъ фонъ-Геххардтъ, Дюссельдорфъ; Вильгельмъ Фер- стеръ, профессоръ астрономіи, Берлинъ; Людвигъ Фульда, Берлинъ; I. I. де Кроотъ, профессоръ этнографіи, Берлинъ; Фрицъ Габеръ, профессоръ химіи, Берлинъ; Эр- нестъ Гекель, профессоръ зоологіи, Іена; Максъ Гальбе, Мюнхенъ; профессоръ Эмиль фонъ-Гарнакъ, генераль-директоръ Королевской Библиотеки, Берлинъ; Гер- гардъ Гауптманъ, Карль Гауптманъ, писатель, Густавъ Гелльманъ, профессоръ метеорологіи, Берлинъ; Вильгельмъ Германъ, профессоръ протестантской теологіи Марбургъ; Андреасъ Гейслеръ, профессоръ сѣверной филологіи, Берлинъ; Адольфъ фонъ-Гильдебрандъ, Мюнхенъ; Людвигъ Гоффманъ, городской архитекторъ, Бер- линъ; Энгельбертъ Гумпердинкъ, Берлинъ; Леопольдъ графъ Кальдрейтъ, прези- дентъ германскаго союза искусствъ, Эддельфенъ; Артуръ Рампфъ, Берлинъ; Фрицъ Августъ фонъ-Каульбахъ, Мюнхенъ, Теодоръ Риппъ, профессоръ юриспруденціи (правовѣдѣнія), Берлинъ; Феликсъ Клейнъ, профессоръ математики, Геттингенъ; Максъ Клингеръ, Лейпцигъ; Алоизъ Кнепфель, профессоръ юриспруденціи цер- ковной исторіи, Мюнхенъ; Антонъ Рохъ, профессоръ католической филологіи, Тю- бингенъ; Павелъ Лабандъ, профессоръ юриспруденціи (правовѣдѣнія), Страсбургъ; Карль Лампрехтъ, профессоръ исторіи, Лейпцигъ; Филиппъ Ленардъ, профессоръ физики, Гейдельбергъ, Максимилианъ Ленцъ, профессоръ исторіи, Гамбургъ; Максъ Либрманъ, Берлинъ; Францъ фонъ-Листъ, профессоръ юриспруденціи (правовѣ- дѣнія), Берлинъ; Людвигъ Манзель, президентъ Академіи искусствъ, Берлинъ; Юсифъ Маусбахъ, профессоръ католической теологіи, Мюнстеръ; Георгъ фонъ- Майеръ, профессоръ государственнаго права, Мюнхенъ; Себастьянъ Меркле, про- фессоръ католической теологіи, Вюрцбургъ; Эдуардъ Мейеръ, профессоръ исторіи, Берлинъ; Генрихъ Морфъ, профессоръ романской филологіи, Берлинъ; Фридрихъ Науманъ, Берлинъ; Альбертъ Нейссеръ, профессоръ медицины, Бреслау; Вальтеръ Нернстъ, профессоръ физики, Берлинъ; Вильгельмъ Оствальдъ, профессоръ химіи, Лейпцигъ; Бруно Пауль, директоръ высшей школы искусствъ, Берлинъ; Максъ Планкъ, профессоръ физики, Берлинъ; Альбертъ Плэнъ, профессоръ медицины, Берлинъ; Георгъ Рейке, Берлинъ; профессоръ Максъ Рейцгардтъ, директоръ нѣ- мецкихъ театровъ, Берлинъ; Алоизъ Риль, профессоръ филозофіи, Берлинъ; Карль Робертъ, профессоръ археологіи, Галле; Вильгельмъ Рентгенъ, профессоръ физики, Мюнхенъ; Максъ Рюбнеръ, профессоръ медицины, Берлинъ; Фрицъ Шаперъ, Бер- линъ; Адольфъ-фонъ-Шлаттеръ, профессоръ протестантской теологіи, Тюбингенъ; Августъ Шмидлинъ, профессоръ церковной исторіи, Мюнстеръ; Густавъ фонъ- Шмоллеръ, профессоръ политической экономіи, Берлинъ; Рейнгольдъ Зеебергеръ, профессоръ протестантской теологіи, Берлинъ; Мартинъ Шпакъ, профессоръ исто- рии, Страсбургъ; Гансъ Тома, Карлсруэ; Рихардъ Трюбнеръ, Карлсруэ; Карль Фолльмеллеръ, Штуттгардъ; Рихардъ Фосъ, Карль Фосолеръ, профессоръ роман- ской филологіи, Мюнхенъ; Зигфридъ Вагнеръ, Байретъ; Вильгельмъ Вальдейеръ, профессоръ анатоміи, Берлинъ; Августъ фонъ-Вассерманъ, профессоръ медицины, Берлинъ; Феликсъ фонъ-Вейнгартенъ, Теодоръ Вигандъ, директоръ музея, Бер- линъ; Вильгельмъ Винъ, профессоръ физики, Вюрцбургъ; Ульрихъ Вилламовичъ- Меллендорфъ, профессоръ филологіи, Берлинъ; Вильгельмъ Виндельбандъ, профес- соръ философіи, Гейдельбергъ; Рихардъ Вильстаттъ, профессоръ химіи, Бер- линъ; Вильгельмъ Вундтъ, профессоръ философіи, Лейпцигъ.

какой бы политической партии онъ ни принадлежалъ. Вспоминается мнѣ агитационная рѣчь Августа Бебеля въ Лейпцигѣ лѣтомъ 1902 г. На выборахъ въ Рейхстагъ боролись проф. Хассе, создавшій будто бы лозунгъ Weltmachtpolitik, и „красный почтальонъ“ Мотлеръ. Можно было предполагать, что Бебель, выступая противъ защитника германскаго шовинизма, разовьетъ противоположную точку зрѣнія. Ничуть не бывало. „Вы требуете отъ насъ усиленія арміи и флота, — говорилъ Бебель, — къ чему? Вѣдь, въ сущности, намъ не съ кѣмъ бороться: Франція обезлюживается, а въ Россіи надвигается революція“.

Наконецъ и философія Нитше, повидимому сыграла въ этомъ отношеніи свою роль: Во всякомъ случаѣ весьма популярная теорія „сверхчеловѣка“ быть можетъ многими недостаточно правильно понятая съ ея тезисами: „смерть слабому“, „не должно быть состраданія“, „любовь должна быть не къ ближнему, а къ дальнему“, „жизнь по самой своей сущности есть присвоеніе чужого“ такъ или иначе не могла не оказать своего вліянія на идеологию извѣстныхъ слоевъ германскаго народа.

Развѣнчать кумира, который недавно еще былъ предметомъ почти обожающаго и возбуждалъ стремленіе къ подражанію, если этотъ кумиръ оказался не тѣмъ, во что вѣрили ранѣе, съ одной стороны тягостно, но съ другой стороны несомнѣнно имѣетъ свое моральное значеніе, иначе этотъ кумиръ увлекъ бы насъ въ ту же пропасть, въ которую нынѣ сваливается самъ.

Идеалы эгоизма и варварства да подчинятся гуманизму. Отнынѣ, сохранивъ въ памяти драгоцѣнныя зерна гуманизма въ Германіи время Гете и Шиллера, мы, русскіе, будемъ ориентироваться въ своей культурѣ на крайній западъ Европы, гдѣ встрѣтимъ къ себѣ и иное, не столь высокомѣрное отношеніе и въ то же время высшую культуру, основанную на свободѣ ума и воспитанную на идеалахъ общечеловѣческаго гуманизма.

Конечно, все это лишь до тѣхъ поръ, пока Германія, на что надо надѣяться, не измѣнитъ свою физиономію снова въ сторону гуманизма и развитія общечеловѣческихъ идеаловъ.

Во всякомъ случаѣ объединеніе народовъ въ этой войнѣ противъ Германизма ставитъ своимъ девизомъ: „не должно быть единовластія или даже преобладанія или господства одного народа въ Европѣ“, ибо оно связано съ моральнымъ подавленіемъ большинства народовъ во имя блага одного народа, съ подчиненіемъ интересовъ всѣхъ другихъ народовъ интересамъ опять-таки одного народа, а въ этомъ нельзя не видѣть противорѣчащаго общечеловѣческимъ идеаламъ эгоистическаго принципа со стороны одного изъ народовъ, какія бы онъ не признавалъ за собой преимущества.

Всѣ народы, разъ они призваны къ самостоятельной культурной жизни, должны имѣть свое право на самобытное существованіе, ибо каждому народу есть что сказать цивилизованному міру, есть что внести въ общую сокровищницу общечеловѣческаго блага.

Нельзя далѣе не придавать значенія тому обстоятельству, что непосредственнымъ поводомъ къ войнѣ явилось самоуправное нападеніе Австріи на Сербію, а нарушеніе нейтралитета Люксембурга и Бельгіи ввело въ войну и Англію. Эта защита поправныхъ правъ маленькихъ европейскихъ государствъ неизмѣримо подняла понятіе права въ глазахъ другихъ народовъ Европы и всего цивилизованнаго міра. Если германизмъ вездѣ и всюду заявляетъ о правѣ грубой силы, не считаясь ни съ какими вообще иными правовыми нормами, то воюющія противъ германизма націи хотятъ доказать, что и въ международной жизни есть право и что это право выше грубой силы.

И въ тотъ моментъ, когда грубая сила германизма будетъ сломлена, наступитъ торжество права, обеспечивающаго слабымъ народамъ отъ грубаго нападенія болѣе сильныхъ.

Въ этомъ нельзя не видѣть опять-таки сдвига народовъ Европы въ сторону болѣе прочной защиты нейтралитета малыхъ державъ и слѣдовательно въ сторону общечеловѣческихъ идеаловъ.

Я думаю, что мы имѣемъ основаніе мечтать въ исходѣ текущей войны, хотя бы и не тотчасъ по ея завершени, о чемъ то большемъ, напр., о всеобщемъ разоруженіи народовъ и о предстоящемъ установленіи всеобщаго мира. Нельзя допустить, чтобы культурные народы, истощавшіе свои силы въ теченіе болѣе полувѣка въ постоянныхъ вооруженіяхъ, отдавшіе свои народныя сбереженія неумолимому языческому богу войны, не пришли къ необходимости болѣе или менѣе полного разоруженія и установленія нормъ международныхъ отношеній, при которыхъ войны вообще стали бы немислимыми и недопустимыми. Въ концѣ концовъ для всѣхъ будетъ ясно, что даже побѣдоносная война убыточна для государствъ.

Есть и другія основанія полагать, что настоящая война можетъ привести рано или поздно къ союзу всѣхъ великихъ державъ Европейскаго материка.

Если нынѣ три великія европейскія державы съ присоединеніемъ къ нимъ Италіи и великой державы Дальняго Востока находятся въ условіяхъ союза между собою, то ясно, что этотъ союзъ четырехъ европейскихъ и одной азиатской державъ еще болѣе окрѣпнетъ послѣ войны.

Нужно лишь пожелать, чтобы послѣ войны было произведено болѣе справедливое размежеваніе границъ воюющихъ народовъ, дабы и побѣжденный германизмъ, сознавъ свою неправоту, могъ примкнуть къ союзу народовъ, борющихся за право.

Исторія имѣетъ не мало примѣровъ, когда вслѣдъ за войной почти непосредственно возникалъ союзъ борющихся между собою народовъ при условіяхъ, когда война заканчивалась миромъ, основаннымъ на разумномъ размежеваніи взаимныхъ интересовъ.

Чтобы недалеко идти за примѣрами, укажу на Австро-Прусскую войну, повлекшую за собою двойственный союзъ съ присоединеніемъ къ Австро-Германіи впослѣдствіи и Италіи, въ свою очередь незадолго передъ тѣмъ борющейся съ Австріей, что превратило двойственный союзъ въ тройственный; затѣмъ на наши добрыя отношенія съ Франціей послѣ Севастопольской войны и, наконецъ, на наши нынѣшнія отношенія съ Японіей послѣ недавней войны, которую мы вели съ Имперіей Восходящаго Солнца.

Вообще извѣстно, что при „честномъ“ веденіи войны, т. е. при соотвѣтственномъ уваженіи противниками другъ друга, какъ послѣ честнаго поединка, старыя распри и военные счеы относительно скоро забываются.

Я видѣлъ раненыхъ бойцовъ,
Противниковъ на полѣ чести,
Межъ ними нѣтъ уже враговъ
И нѣтъ межъ ними кровной мести.
Вчерашніе враги — теперь друзья.
Забывъ сраженія былыя,
Они средъ мирнаго житья
Дни вспоминаютъ боевые.

Такимъ образомъ нѣтъ ничего невозможнаго, а наоборотъ, можно считать и допустимымъ, и даже вѣроятнымъ, что и послѣ нынѣшней войны борющіеся нынѣ народы въ концѣ концовъ найдутъ пути примиренія между собою.

Тутъ, конечно, должны сыграть роль кромѣ своекорыстныхъ интересовъ и тѣ демократическія силы, которыя таятся въ каждой странѣ и которыя скажутъ свое слово послѣ войны. Правда, въ Германіи эти демократическія силы пере-

живают кризисъ и обнаруживаютъ расколъ, ибо и въ ихъ среду проникъ ядъ узкаго націонализма, но тѣмъ не менѣе можно ли сомнѣваться въ томъ, что, когда наступятъ расчеты за войну, будетъ признанъ и въ средѣ германской демократіи грѣхъ противъ общечеловѣческихъ идеаловъ.

Вотъ почему я думаю, что по окончаніи войны наступитъ моментъ, когда будетъ всѣми признанъ не только возможнымъ, но и желательнымъ общій союзъ европейскихъ народовъ, не исключая и Германіи, однако не при теперешнемъ милитаристическомъ ея режимѣ, а при побѣдѣ ея демократическихъ элементовъ, которые сбросятъ съ себя иго гнетущаго ихъ империализма. Тогда-то, при общемъ союзѣ можно ожидать осуществленія вѣковой мечты народовъ о мирѣ всего міра.

Я напомню, что въ толцѣ русскаго народа ранѣе никогда не проявлялось злобы по отношенію къ нѣмцамъ, а въ интеллигентномъ классѣ еще не такъ давно нѣмецкій врачъ и учитель являлись другомъ семьи, особенно въ помѣщичьемъ кругу. Съ тѣхъ поръ однако Германія сама измѣнилась и изъ „Гуманной“ какъ ее называлъ Пушкинъ сдѣлалась міровой державой въ „блестящемъ вооруженіи“. И, тѣмъ не менѣе, какъ ни тяжелы жертвы войны, какъ ни возмущаютъ общечеловѣческое чувство жестокости и звѣрства, проявляемыя отдѣльными частями войскъ въ періодъ настоящей войны, въ концѣ концовъ наступитъ примиреніе народовъ. Печально будетъ, если это примиреніе окажется вынужденнымъ и будетъ знаменовать собою взаимное истощеніе участвующихъ въ борьбѣ народовъ. Это истощеніе, правда, будетъ служить гарантіей противъ возобновленія войны въ будущемъ, но оно же надолго задержитъ и развитіе культуры на материкѣ Европы. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ войны останутся во всякомъ случаѣ большія послѣдствія въ социальной жизни народовъ Евразійскаго материка.

Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что цивилизованный міръ Европы переживаетъ великую эпоху, которая должна надолго оставить неизгладимый слѣдъ въ умахъ народовъ.

Мнѣ представляется, что нынѣшняя гигантская война дастъ въ результатѣ сдвигъ челоуѣческой мысли въ смыслѣ большаго торжества идеаловъ права и свободы. Можно думать, что нынѣшняя война составитъ своего рода переломъ въ жизни народовъ, и когда пройдутъ вѣка, то будутъ смотрѣть на весь періодъ до настоящей войны, какъ на періодъ грубаго варварства, за которымъ послѣдуетъ періодъ другой жизни съ иными социальными принципами, ибо послѣ такой войны, какъ нынѣшняя, руководители политики европейскихъ государствъ обязаны найти пути къ установленію справедливаго размежеванія интересовъ и границъ между отдѣльными народами, что дастъ возможность установить съ теченіемъ времени всеобщій союзъ народовъ между собою и обезпечитъ соответственнымъ образомъ нейтралитетъ всѣхъ державъ, мирно сожительствующихъ другъ съ другомъ.

Дѣло въ томъ, что война, которую ведемъ мы совмѣстно съ передовыми націями Западной Европы, является войной за драгоцѣнныя права народовъ на самобытное независимое ихъ существованіе. Такія войны ведутъ къ единенію народовъ и обновленію странъ.

Лозунги освобожденія и единства глубоко вкореняются въ душу народовъ и не остаются безслѣдными. Они могутъ и должны привести къ союзу великихъ державъ, къ которымъ должны примкнуть и малыя. Такимъ образомъ могъ бы, хотя быть можетъ и не сразу, образоваться общеевропейскій союзъ государствъ, своего рода соединенные штаты Европы.

Этого однако мало для поддержанія и укрѣпленія мира всего міра, ибо мы знаемъ, напримѣръ, что еще на зарѣ русскаго исторіи было начало федеративнаго устройства тогдашней Руси, и тѣмъ не менѣе постоянныя ссоры князей приводили неоднократно къ братоубійственнымъ войнамъ. Неудачными въ смыслѣ прочности мира оказались и позднѣйшія формы союзнаго соглашенія государствъ.

не исключая и священнаго союза, наступившаго послѣ Наполеоновскихъ войнъ. Еще недавно образовавшіеся балканскій союзъ христіанскихъ государствъ закончился тяжелой братоубиственной войной.

Очевидно, что нужны другія мѣры для упроченія мира. Въ числѣ этихъ мѣръ на первомъ мѣстѣ должно быть разоруженіе народовъ Европы, ибо вооруженный міръ есть уже начало войны, какъ мы въ этомъ убѣдились на горькомъ опытѣ. Съ другой стороны, такъ какъ въ концѣ концовъ за каждую войну расплачивается самъ народъ своею кровью, то очевидно не можетъ и не должно быть такого положенія, чтобы дипломатическіе переговоры составляли тайну для народовъ Европы. И не только не должно быть никакой тайны для нихъ въ такомъ дѣлѣ, которое при томъ или другомъ случаѣ можетъ разрѣшиться кровавою распрєю, но народы сами въ лицѣ своихъ избранныхъ представителей должны быть освѣдомляемы о ходѣ международныхъ переговоровъ для того или иного вѣтуса.

Но это лишь одинъ шагъ къ предупрежденію войнъ, главное же необходимо создать международную организацію, которая бы имѣла и достаточную нравственную силу и матеріальныя средства для предупрежденія войнъ. Для этой цѣли долженъ быть созданъ особый международный парламентъ изъ представителей разныхъ странъ, избираемыхъ ихъ законодательными палатами, — парламентъ, который собирался бы ежегодно хотя бы въ два срока, свободныхъ отъ парламентскихъ занятій внутри отдѣльныхъ странъ и который бы вѣдалъ всѣ международныя вопросы, касающіеся взаимоотношеній народовъ Европы.

Само собою разумѣется, что постановленія этого парламента могутъ имѣть тогда лишь свою силу и воздѣйствіе, когда онъ будетъ располагать возможностью ихъ осуществленія, а для этой цѣли международный парламентъ долженъ имѣть подъ своимъ контролемъ военныя расходы и вооруженныя силы народовъ, долженствующія служить лишь для внутренней жизни отдѣльныхъ странъ, и за общую порукою державъ долженъ охранять блага европейскаго мира.

Могутъ сказать, что это утопія, что никто не согласится на устройство особаго международного парламента и тѣмъ болѣе установить его контроль надъ вооруженіями народовъ, ограничивая ихъ лишь внутренними потребностями государствъ; но нельзя забывать, что кровь миллионовъ, павшихъ въ этой войнѣ, заставитъ заговорить о себѣ послѣ завершения войны, и народы Европы не могутъ и не должны успокаиваться для установленія прочнаго мира на полумѣрахъ.

Хотя быть можетъ и не сразу, но должны быть изысканы радикальныя средства къ тому, чтобы впредь можно было предупреждать кровавыя побоища, подобныя настоящимъ, ибо, какъ бы велики ни были положительныя итоги войны, они въ концѣ концовъ не могутъ ее оправдывать. Дѣло въ томъ, что на ряду съ социальными послѣдствіями каждая война неизбежно сопровождается и отрицательными сторонами въ отношеніи общечеловѣческихъ интересовъ.

Такъ, послѣ войны обычно на то или другое время остается взаимная ненависть воюющихъ народовъ, надолго остаются моральныя послѣдствія того озвѣрѣнія, которое порождаетъ война; тяжкій осадокъ въ сознаніи народовъ оставляютъ и звѣрства, которыми сопровождаются тамъ или здѣсь военныя дѣйствія, не говоря уже объ огромномъ подавляющемъ вліяніи побѣды со стороны противника на побѣждаемую страну. Само собою разумѣется, что при этомъ должны быть принято во вниманіе и тяжелое моральное воздѣйствіе войны на мирное населеніе, а также неисчислимыя матеріальныя затраты на военныя нужды, препятствующія въ теченіе долгаго времени поступательному движенію человѣческой культуры и т. п. Вотъ почему никакая вообще война, взятая безотносительно, не можетъ получить оправданія съ общечеловѣческой точки зрѣнія. И подобно тому, какъ нормальная эволюція въ жизни народовъ во много разъ предпочтительнѣе революціи, также и мирное развитіе общечеловѣческой культуры и прогресса всегда предпочтительнѣе насильственнаго разрѣ-

шенія міровыхъ вопросовъ путемъ войны. Но, какъ революція въ извѣстныхъ условіяхъ наступаеъ неизбежно, какъ бы роковымъ образомъ, такъ и война при опредѣленныхъ международныхъ взаимоотношеніяхъ возникаетъ столь же неизбежно, причеъ народы готовы жертвовать всѣмъ, даже жизнью своихъ сыновъ за то дѣло, которое они считаютъ правымъ. Тѣмъ не менѣе, если нормальное развитие народной жизни исключаетъ возможность революціи, то очевидно и правильное установление и развитие международныхъ взаимоотношеній должно устранить возможность возникновенія военныхъ дѣйствій между народами.

Въ заключеніе пожелаеъ, чтобы настоящая война, отъ исхода которой будутъ зависѣть грядущія судьбы человѣчества, и которая ведется нами и нашими союзниками за высшія моральныя цѣнности и священныя общечеловѣческія блага, если ее нельзя было своевременно предупредить, устранила разъ навсегда международные раздоры, — пожелаеъ, чтобы вслѣдъ за настоящей войной наступилъ новый міровой порядокъ, при которомъ легче дышалось бы всѣмъ народамъ, чтобы не было ни первыхъ, ни вторыхъ, ни главныхъ, ни второстепенныхъ державъ, ибо каждой культурной націи хотя бы и малой по численности, есть что сказать міру и принести изъ своего народнаго духа на алтарь общечеловѣческихъ интересовъ, и чтобы наступилъ наконецъ тотъ день, когда, по словамъ нашего поэта, „народы, распри позабывъ, въ одну семью соединятся“. Будеъ вѣрить, что послѣ этой войны надъ Европой взойдетъ свѣтлое солнце правды и, чѣмъ больше тепеъ мы встрѣчаеъ злобы и мрака, тѣмъ свѣтлѣе и радостнѣе намъ покажется будущее. Мы закончимъ нашу бесѣду словами поэта:

Не теряй, другъ, упованіи
На любовь среди враговъ,
Нѣтъ блаженства безъ страданій,
Розъ душистыхъ безъ шиповъ.

Пусть нашъ грѣшный міръ, убогій
Весь купается въ крови,
Ты-жъ иди своей дорогой,
Проповѣдуй свѣтъ любви.

И, повѣрь, придутъ вновь годы,
Перестанетъ литься кровь
И поймутъ тогда народы,
Что связуетъ всѣхъ любовь.

Акад. В. М. Бехтеревъ.

Издание К. Л. РИККЕРА, Петроградъ, Невскій пр., 14.

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

„ОБОЗРѢНІЕ ПСИХІАТРИИ, НЕВРОЛОГИИ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ“

Ежемесячный журналъ, издаваемый подъ редакцію

Академика В. М. БЕХТЕРЕВА,

директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ Петроградѣ.

Цѣль изданія дать возможно полное отраженіе современнаго состоянія невропатологии, неврологии, психіатрии, экспериментальной психологии, гипнотизма и уголовной антропологии, имѣя въ виду своевременное ознакомленіе его читателей съ успѣхами и развитіемъ этихъ отраслей знанія. Всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ важное практическое значеніе, и, между прочимъ, терапіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней будетъ отведено въ „Обозрѣніи“ надлежащее мѣсто.

Журналъ выходитъ по слѣдующей программѣ:

I. Оригинальныя статьи по невропатологии, неврологии, психіатрии, психологии, гипнотизму, криминальной антропологии и по вопросамъ, связаннымъ съ ними. II. Обзоръ и рефераты по указаннымъ предметамъ. III. Отчетъ, письма и корреспонденціи. IV. Критическія статьи, отзывы, рецензіи и библиографія. V. Хроника, новости и смѣсь. VI. Биографіи и некрологи. VII. Объявленія и извѣщенія.

По всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ (высылка гонорара за рефераты, рецензіи и корреспонденціи, высылка отдѣльныхъ оттисковъ неполученныхъ №№, приемъ объявленій и т. п.) слѣдуетъ обращаться исключительно къ издателю.

Подписка принимается въ Петроградѣ въ книжномъ магазинѣ К. Л. РИККЕРА, Невскій пр., 14, и въ другихъ городахъ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Цѣна за годовое изданіе какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петроградѣ—9 руб., на полгода—4 р. 50 к., за 3 мѣсяца—2 р. 25 к. Экземпляры „Обозрѣнія“ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 и 1907 года можно приобретать у издателя по 9 руб. годъ.

„НЕВРОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ОРГАНЪ

**Общества невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ
Казанскомъ Университетѣ.**

Подъ редакціей проф. В. М. Бехтерева, проф. Н. М. Попова, проф. Н. А. Миславскаго и проф. В. П. Осипова.

Журналъ издается Обществомъ и выходитъ періодически четырьмя книжками въ общемъ объемѣ до 60 печати, листовъ въ годъ, съ рисунками въ табл. и въ текстѣ. Подписная цѣна на годъ 6 руб. Отдѣльныя книжки по 2 руб. Журналъ посвящается невропатологии и психіатрии съ судебно-психиатрической казуистикой, патологической анатоміи душевныхъ и нервныхъ разстройствъ, анатоміи, гистологии и эмбриологии нервной системы, нервной физиологии и психологии.

ПРОГРАММА: оригинальныя статьи и лекціи по всѣмъ вышеуказаннымъ отдѣламъ знаній, литературныя обзоры, рефераты и рецензіи, относящіяся къ тѣмъ же отдѣламъ знаній, хроника и смѣсь, лѣтопись О-ва невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, объявленія.

Подписка на журналъ принимается въ редакціи (Казань, Университетъ психо-физиологическая лабораторія) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ имперіи. Со всѣми расчетами по подпискѣ и продажѣ отдѣльныхъ выпусковъ „Неврологическаго Вѣстника“, а равно и по приему помѣщаемыхъ въ немъ объявленій слѣдуетъ обращаться въ редакцію (Казань).

Въ книжномъ магазинѣ К. Л. РИККЕРА

(Петроградъ, Невскіи пр., 14)

продаются слѣдующія сочиненія

Акад. В. М. БЕХТЕРЕВА:

- Классификація душевныхъ болѣзней. Казань, 1891.
- Нервные болѣзни въ отдѣльныхъ наблюденияхъ. Вып. I. Казань, 1894 и вып. II. Спб., 1899. Ц. 2 р.
- Проводящіе пути спинного и головного мозга. 2-ое изд. Спб., ч. I, 1896, ч. 3 р. 50 к. и ч. II, 1898, ч. 3 р. 50 к.
- О локализациі сознательной дѣятельности у животныхъ и человека. Спб., 1896. Ц. 50 к.
- Открытие нервной клиники (рѣчь). Спб., 1898. Ц. 50 к.
- Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленій о пространствѣ. Спб., 1896. Ц. 50 к.
- Лѣчебное значеніе гипноза. Спб., 1900. Ц. 30 к.
- Невропатологическія и психіатрическія наблюдения. Спб., 1899. Ц. 2 р.
- Сифилисъ центральной нервной системы. Спб., 1902. Ц. 1 р.
- Психика и жизнь. 2-ое значит. дополн. и перераб. изданіе. Спб., 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Основы ученія о функціяхъ мозга, вып. I—VII, 1903—8, по 2 р.
- Личность и условия ея развитія и здоровья. 2-ое изд. 1905. Ц. 40 к.
- Психическая дѣятельность (рѣчь на 1907 г.). Спб., 1907. Ц. 80 к. Вып. II, 1910. Вып. III, 1909.
- Психическая сфера въ младенческомъ возрастѣ. Спб., 1906.
- Психика въ раннемъ дѣтствѣ. Птгр. Ц. 40 к.
- Психика. 1910. Ц. 35 к.
- Психика. Спб., 1910.
- Психическая дѣятельность (рѣчь на 1911 г.). Спб., 1911.
- Психическая дѣятельность (рѣчь на 1912 г.). Спб., 1912.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 годъ (XIII годъ изданія)

на

ВѢСТНИКЪ ПСИХОЛОГИИ,

КРИМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ и ПЕДОЛОГИИ.

(Вѣстникъ Психо-Неврологическаго Института).

Подъ общей редакціею академика В. М. Бехтерева. Въ составъ ред. к-ва входятъ: проф. С. К. Гогель (криминальная антропология), проф. А. Ф. Лазурскій (психология) и проф. К. И. Поварнинъ (педология).

Журналъ имѣетъ цѣлью, прежде всего, разработку и освѣщеніе важнѣйшихъ вопросовъ современной психологии съ ея различными отдѣлами, какъ-то: психологии общей и экспериментальной, индивидуальной и общественной, нормальной и патологической, психо-физиологии органовъ чувствъ, зоопсихологии, психологии дѣтскаго возраста и друг. Кромѣ того, должное вниманіе удѣляется также и тѣмъ отдѣламъ психологии, которые имѣютъ важное практическое значеніе, какъ-то: психологии педагогической и криминальной, учению о гипнозѣ и внушеніи и друг. Такъ какъ психическая жизнь человѣка находится въ неразрывной связи съ дѣятельностью его нервной системы, то соответствующее мѣсто отводится статьямъ и рефератамъ общаго характера по неврологии, поскольку они могутъ способствовать уясненію психическихъ процессовъ. Опредѣляя такимъ образомъ основное направленіе журнала, редакция заботится также и объ освѣщеніи тѣхъ вопросовъ философіи, биологии, социологии и педагогики, которыя находятся въ той или иной связи съ вышеизложенной программой.

Журналъ выходитъ въ количествѣ 5 книжекъ объемомъ въ 6—8 листовъ каждая, и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

1. Оригинальныя статьи: научныя изслѣдованія, популярно-научныя статьи, публичныя лекціи и рѣчи.

2. Отчеты о научныхъ засѣданіяхъ и съѣздахъ.

3. Критика и библиографія: критическія статьи о вновь выходящихъ въ Россіи и заграницѣй книгахъ и сочиненіяхъ, рефераты ихъ, библиографическіе отзывы и замѣтки и т. п.

4. Научная хроника.

5. Хроника Психо-Неврологическаго Института.

6. Списки книгъ, жертвуемыхъ въ библиотеку Института.

7. Приложенія: краткіе протоколы засѣданій Совѣта Института, обзорныя преподаванія въ Институтѣ, годовые отчеты о дѣятельности Института.

Отдѣльныя приложенія даются по мѣрѣ возможности.

Подписка принимается: въ канцеляріи Психо-Неврологическаго Института. Гг. иногородніе приглашаются свои заявленія о подпискѣ и подписныя деньги адресовать: „Психо-Неврологическій Институтъ. Петроградъ“.

Книжный магазинъ „Новое Время“ (адресъ: Петроградъ, Невскій, 40), принимаетъ также подписку на журналъ.

Подписная цѣна—6 руб. въ годъ съ пересылкой; на $\frac{1}{2}$ г.—3 р.

Для учащихся въ высшихъ учебныхъ завед. и учителей начальныхъ школъ при подпискѣ непосредственно черезъ канцелярію Института,—3 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ г.—2 р.

Рукописи предназначаемыя къ напечатанію въ журналѣ, и всякаго рода корреспонденцію просить адресовать въ библиотеку Института. Гг. авторы приглашаются снабжать, по возможности, свои статьи переводомъ ихъ заглавій на англійскій, нѣмецкій и французскій языки съ написаніемъ своихъ фамилій на тѣхъ же языкахъ и индексами статей по десятичной системѣ библиографической классификаціи. Размѣры гонорара опредѣляются редакціей по соглашенію съ авторами, причемъ статьи, присылаемыя безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи. По напечатаніи статьи авторъ получаетъ бесплатно отдѣльныя ея оттиски въ количествѣ 50 экз. Въ случаѣ желанія получить большее количество экземпляровъ или снабдить ихъ обложкою, размѣръ платы опредѣляется по соглашенію.

Книги и періодическія изданія, посылаемыя для редакціи, просить адресовать въ библиотеку Психо-Неврологическаго Института (Петроградъ, Царскій Городокъ).